

В. Деннингхаус

**«Немецкую школу без риска можно назвать антисоветской»:
учитель как тормоз трансформации немецкой школы
в 1920-е гг.**

Важной предпосылкой готовности СССР к «большому экономическому скачку» в 1930-е гг. служила далеко не совершенная, но сравнительно широко разветвленная система политического и культурного воздействия на население, фундамент которой был заложен в 1920-е гг. Эта система позволила ниспровергнуть прежние образцы «буржуазной» морали, сломать религиозно-культурные традиции и создать базу для воспитания «нового человека». Чрезвычайно существенный инструмент для достижения данной цели представляла собой общеобразовательная школа, в том числе национальная. Ключевыми фигурами «советизации» национальной школы являлись учителя, которым по планам Москвы надлежало побороть влияние не только церкви, сельской общины, но и семьи, противившихся советизации молодого поколения. Однако процесс советизации «нового» и обновления «старого» преподавательского состава сталкивался с немалыми трудностями и шел очень медленно. Поскольку основным критерием подбора «новых» учительских кадров служила не профессиональная пригодность, а лояльность советскому режиму, поиск возможных кандидатов в немецких селениях происходил с чрезвычайным трудом. Численность новых кадров росла крайне медленно, а переподготовка «старых» учителей шла черепашьями темпами. На конец 1920-х гг. почти 80 % немецких учителей имели опыт работы в «старой» школе и до революции зачастую одновременно исполняли роль церковных служек и проповедников. Ожидать от таких учителей полной лояльности советскому режиму и осуществления политического воспитания в школе не приходилось, учитывая слабый партийный и комсомольский актив в немецких селениях. В целом советизация немецких образовательных учреждений к началу 1930-х гг. была далека от завершения. Ставка, сделанная на национальные рычаги, вынудила власти идти по пути использования немецких кадров и длительного процесса создания просоветски настроенной немецкой интеллигенции. Нехватка высококвалифицированных и лояльных учителей из числа немцев чрезвычайно затрудняла организацию в национальных школах и других учебных заведениях обучения на родном языке в духе советской педагогики.

Ключевые слова: СССР; РСФСР; национальная политика; школьное образование; педагогический состав; советизация; лояльность; российские немцы.

**"German school can be called anti-Soviet without risk":
Teacher as a brake of the German school transformation in the 1920s**

An important prerequisite for the USSR's readiness for a "great economic leap" in the 1930s was a far from perfect, but relatively widespread system of political and cultural influence on the population, the foundation of which was laid in the 1920s. This system made it possible to overthrow the previous models of "bourgeois" morality, break down religious and cultural traditions and create a basis for the education of a "new man". Comprehensive school, including the national one, was an extremely important tool for this goal achievement. The key figures of the "sovietization" of the national school were the teachers, who, according to Moscow's plans, had to overcome the influence not only of the church, rural community, but also of the family, who opposed the sovietization of the younger generation. However, the process of sovietization of the "new" and the renewal of the "old" teaching staff faced considerable difficulties and proceeded very slowly. Since the main criterion for the selection of "new" teachers was not their professional aptitude, but loyalty to the Soviet regime, the search for possible candidates in German villages was extremely difficult. The number of new staff grew too slowly, and the retraining of the "old" teachers proceeded at a snail's pace. At the end of the 1920s nearly 80% of German teachers had experience of work in the "old" school and before the revolution they often simultaneously played the role of church ministers and preachers. It was not possible to expect from such teachers complete loyalty to the Soviet regime and implementation of political education at school, accounting the weak party and Komsomol activists in German villages. In general, the sovietization of German educational institutions was far from complete by the early 1930s. The stake placed on national levers forced the authorities to follow the path of using German personnel and the long process of creating a pro-Soviet German intelligentsia. The shortage of highly qualified and loyal German teachers made it extremely difficult to organize teaching in the native language in the spirit of "Soviet pedagogy" in national schools and other educational institutions.

Key words: *The Soviet Union (USSR); Russian Federation;* Nationalities policy; School education; Teaching staff; Sovietization; Loyalty; Russian Germans.

1. Введение

Важной предпосылкой подготовки «большого экономического скачка» в СССР выступила далеко не совершенная, но достаточно разветвленная система культурно-политического воздействия на население, заложенная в 1920-е гг. Именно благодаря ей происходили слом старых стереотипов мышления, «буржуазной» нравственности,

религиозно-культурных традиций и создание основ воспитания «нового» человека. В Москве прекрасно понимали, что перестройка школы на советской основе и осуществление новых принципов образования и воспитания могли быть успешными лишь в том случае, если учительство, которому принадлежала решающая роль в образовании, воспитании и подготовке к практической деятельности подрастающего поколения, разделяло бы цели большевиков. «Задача новой педагогики, – подчеркивал В.И. Ленин на Первом Всероссийском съезде учителей-интернационалистов в июне 1918 г., – связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества...» [1, с. 420–421]. В обеспечении выдвинутой VIII съездом РКП(б) задачи (март 1919 г.) «контрреволюцию отсекают, культурно-буржуазный аппарат использовать» [2, с. 448–451] руководство Наркомпроса призвало отделы народного образования на местах вплотную заняться «фильтрацией» имевшегося в наличии педагогического состава. На практике эта задача осложнялась не только малочисленностью и недостаточной подготовленностью «старого» учительства, но и враждебностью наиболее квалифицированной его части, прежде всего учителей повышенной (средней) школы.

2. «Новая» немецкая школа

Широко известно, что по сравнению с другими национальностями народное образование у немцев-колонистов до революции 1917 г. стояло на довольно высоком уровне [3, с. 420–481]. Редкая колония не имела своей начальной школы, неграмотных не было даже среди стариков, а большинство из этих школ, а также учительство, находились на полном иждивении самих колонистов. «Влияние духовенства на эти школы было совсем исключительным, – отмечал известный партийный функционер Б. Бартельс (1924), анализируя этапы развития немецкого просвещения в СССР, – большей частью народный учитель

одновременно был и кюстером, да и школа и молитвенный дом почти повсюду находились под одной крышей, или даже в одном помещении“ [4, л. 172–173, 236]. Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны, Гражданская война и разруха вызвали резкое сокращение школ, а недостаток учебников и низкая оплата труда учителей привели к тому, что неграмотность захватила все возрастные слои немецкого населения, особенно подростков школьного возраста 12–16 лет. Как отмечалось в отчетном докладе Центрального бюро [ЦБ] немсекций при ЦК РКП(б) за 1920 г., «старикки разучились читать и писать, средний возраст с трудом разбирается в самом необходимом, а молодое поколение подрастает фактически без всякого образования В общем и целом можно сказать, что все [немецкое] население ... грозит не только далеко отстать от культурного развития всего русского народа, но даже опуститься еще ниже» [5, л. 52].

В целом школьная сеть в немецких селениях с 1919 г. по 1923 г. сократилась на две трети¹, а за «бортом» школы осталось почти 80 % детей, подлежащих обучению [6, л. 8]. Развитие школьного дела серьезно сдерживал тот факт, что средства на него приходилось изыскивать из местного бюджета. Центр с переходом к нэпу фактически прекратил финансирование народного образования. В результате в середине 1920-х гг. большинство школ немцы продолжали содержать и строить на свои средства, принимая на работу в них лояльных общине, а не властям немецких учителей «старой формации», преподававших по старым канонам [7, с. 407–408].

Несмотря на все усилия, довоенный уровень грамотности у немцев на протяжении всех 1920-х гг. так и не был достигнут, как и не были выполнены планы НКП РСФСР «вывести школу из рамок обуче-

¹ Так, например, только в АО НП (1921) было закрыто около 80 % всех учебных заведений.

ния только грамоте», которой колонисты могли научиться и в церкви¹ [8, л. 23]. Союзные республики не составили особого исключения. «В БССР имеется 7.000 немцев, ... [но] нет ни одной немецкой школы, – констатировалось в материалах ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) за 1928 г., – 40 % неграмотных всего немнаселения и 47 % неграмотных сельского. Столько неграмотных немцев нигде в Союзе не имеется!» [9, л. 61]. Данный парадокс становится еще более труднообъяснимым, если учитывать, что немцы не были «сплошь рассыпаны» по Белоруссии, а два немецких сельсовета объединяли ок. 52 % всего немецкого сельского населения республики [9, л. 61]. В Киргизии, в свою очередь, из-за недостатка учительских кадров немецкие дети годами не посещали школу, постоянно увеличивая долю безграмотных. В одном из документов, посвященном развитию немецких школ в Киргизии (1926), отмечалось: «Школы ... вообще за последние годы функционировали крайне слабо за отсутствием квалифицированного учительского персонала. В некоторых школах ... вовсе не было учителей и школы были закрыты» [10, с. 205].

В целом материалы немецкого отдела (Немотдела) Совнацмена НКП РСФСР позволяют утверждать, что к середине 1920-х гг. большинство немецких школ «советскими», даже с натяжкой, назвать было сложно [11, л. 21–21 об.]. «На направление внутренней работы немецких школ принципы новой школы еще недостаточно влияют ..., – констатировалось в отчете Немотдела Совнацмена за 1926 г. – Бывают случаи, что за так называемой аполитичностью школы скрывается совершенно определенное политическое направление, противоположное нашей политике» [12, л. 237]. Детские формы самоуправления, провозглашенные еще реформой 1918 г., а также пионерские отряды,

¹ В принятом в апреле 1929 г. Секретариатом ЦК ВКП(б) постановлении «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» отмечалось, что доля детей и подростков, посещающих школу (1929), стала ниже уровня 1913 г.

в соответствии с данными Немотдела Совнацмена, в немецкой школе практически отсутствовали, а если и имелись, то зачастую лишь чисто формально. Другими словами, идея советских педагогов-радикалов, в соответствии с которой «в семью, на улицу, нашу идеологию должны нести дети и разбивать, крушить, переделывать прошлое», в немецких селениях приживалась весьма трудно [13, с. 343].

Для кардинального изменения ситуации в свою пользу Центру необходимо было разрешить две остро стоящие проблемы: организовать подготовку из числа немецкой молодежи прокоммунистически настроенных учителей, призванных сменить «старое» поколение, и превратить все школы в действительно государственные, сведя к минимуму их зависимость от населения. Но разрешение этих задач было вопросом времени, а регулярное сокращение числа школ по РСФСР (в связи с невозможностью их государственного финансирования) заставляло руководство Немотдела Совнацмена до поры до времени мириться с существовавшим положением и «закрывать глаза» на многие, негативные с его точки зрения вещи. Самоизолированность немецких колоний, их отдаленность от городов, отличный от окружающего населения язык колонистов, их приверженность к религии, малочисленность немецких партийных кадров – все это не только усложняло, но и замедляло советизацию немецких школ по сравнению с русскоязычными [7, с. 409].

3. «Советизация» немецких учителей

Несмотря на то, что именно немецкие учителя до революции 1917 г. являлись наиболее радикальными представителями земского «третьего элемента» в колониях¹ [14, с. 190], требовавшие от властей не только коренных преобразований в сфере народного образования, но и выступавшие против сложившихся экономических условий и

¹ Термин «третий элемент», распространенный с конца 90-х гг. XIX столетия, выделял в особую группу используемых земствами специалистов (учителей, врачей, агрономов и т. д.), в отличие от представителей местных органов власти (чиновников) и членов выборных органов местного самоуправления.

местной чиновничьей бюрократии, к сторонникам нового режима их отнести было сложно [14, с. 27–29]. Более того, репрессивная политика периода военного коммунизма, а также отделение школы от церкви привели к тому, что большевики растеряли и последних «сочувствующих» социальным преобразованиям в немецкой деревне. «После того, как революция смела реакционное крыло учительства, которое для социалистического строительства совершенно не годилось, – признавалось само руководство Немецдела Совнацмена НКП РСФСР (1925), – мы все же видим, что значительная часть немецкого учительства, считавшегося раньше прогрессивным, настроено теперь критически против наших новых форм преподавания» [4, л. 166]. По его оценкам, только $\frac{1}{4}$ всех немецких учителей выступали за «новую» школу, причем большая часть из них была «идеологически неразвит[а], либо не име[ла] в себе достаточно решимости, чтобы взять ясную [классовую – В.Д.] линию [...]» [4, л. 166; 15, л. 218].

Как уже отмечалось выше, в 1920-е гг. положение с грамотностью немецких школьников не только не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось. Главной причиной, не позволявшей изменить ситуацию в лучшую сторону, выступал не столько недостаток школьных помещений и учебной литературы, сколько дефицит учительских кадров. Многие из «старых» преподавателей, не принявших революцию, были изгнаны, репрессированы или эмигрировали. Другие, наоборот, «ушедшие в революцию», осели на партийной, советской и хозяйственной работе, дававшей не только стабильный доход, но и целый ряд привилегий. Немало учителей в годы разрухи и голода были вынуждены просто сменить специальность, чтобы прокормить себя и свою семью, а оставшиеся в школе испытывали серьезные психологические трудности в связи с ломкой традиционной педагогики и методики преподава-

ния¹ [16, с. 165–166]. Нельзя забывать и о том, что практически до начала 1930-х гг. часть учителей (особенно на окраинах страны) являлись «договорными», т. е. работали «по найму» сельских общин, а следовательно, склонялись к выполнению требований сельских общин, а не требований Наркомпроса. Руководство Славгородского ОНО по этому поводу сделало следующее замечание в октябре 1921 г.: «Проведение в немецкой школе принципов Советской власти до сего времени мечта неосуществимая Обеспечиваемое до максимума населением, учительство покорно идет на поводу населения и выполняет все его требования, включительно до применения в школе давно запрещенных наказаний и преподавания Закона Божьего ... Немецкую школу без риска можно назвать антисоветской...» [17, с. 599]. Ненамного отличалось положение с немецкими педагогическими кадрами и в автономных республиках РСФСР. Так, например, по данным Центрального немецкого бюро Совнацмена НКП Туркестана, «советских» учителей в немецкие школы удавалось внедрять только при помощи силы. «Население [...] не хочет признавать учителей, назначенных Наркомпросом или ОНО, – отмечалось в его отчете за январь 1923 г., – выдвигает своих собственных проповедников в качестве учителей и требует их утверждения ... Приходится почти с каждой немецкой деревней воевать и с помощью ГПУ восстанавливать авторитет советских немецких школ» [18, л. 145]. То, что сельские общины, даже в период Гражданской войны и послевоенной разрухи, всеми силами содержали и сохраняли от развала школу, а также то обстоятельство, что учителя, как правило, параллельно исполняли некоторые церковные функции, дало повод советским и партийным работникам, рас-

¹ Особенно остро эта проблема проявилась в АО НП, где нехватка учителей достигла катастрофических размеров. Многие учителя покинули немецкие колонии, чтобы не умереть с голоду, и перебрались в город.

сма́тривать немецкую школу однозначно как «религиозную» и «анти-советскую» [19, с. 134].

Аналогичного мнения придерживались и чекисты. Начальник контрразведывательного отдела ОГПУ А.Х. Артузов констатировал в июле 1925 г. в аналитической справке «Германская контрреволюционная работа в СССР», в которой высшим руководством политической полиции СССР уже была сформулирована концепция немецкой диаспоры как шпионской и диверсионной базы, следующее: «Духовенство и учительство в большинстве своем настроено антисоветски, имеет тесную связь с заграничными колониетскими организациями» [20, с. 315–324].

Процесс советизации «нового» и обновления «старого» учительства проходил не только с большим трудом, но и очень медленно. Это вынуждало органы НКП РСФСР все чаще прибегать к методам морального принуждения учителей, чтобы ускорить «выработку» их «политической» грамотности. Одной из форм такого давления на учителей явилась специальная подписка, которую они были вынуждены давать ОНО, чтобы получить возможность дальнейшей работы в школе. Форма подобных «подписок» различалась в зависимости от регионов, однако содержание было практически одинаковым: признание лояльности по отношению к органам советской власти; уклонение от религиозной пропаганды; популяризация коммунистической идеологии и т. д. Так, например, в Туркестане (январь 1921 г.) учителя-меннониты должны были подписать следующий текст «клятвенного» обещания: «Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся: 1. Во всех наших действиях, связанных с высоким званием народного учителя, руководствоваться принципами Советской власти 2. В школьном преподавании, согласно правительственным декретам ... не вводить обсуждение религии 3. Вне школы, по мере возможности, разъяснять населению действия и распоряжения власти в духе советского строительства ...» [18, л. 142].

Делегаты V Всесоюзной конференции работников немсекций (ноябрь 1924 г.) выступили с предложениями активной борьбы с церковными пережитками и за полный разрыв учителя с религиозной общиной. «Каждый преподаватель должен быть антирелигиозным активистом», – подчеркивалось в резолюции конференции. Наряду с полным запретом преподавания Закона божьего для несовершеннолетних, было указано на «недопущение существования школы и церкви под одной крышей» [21, с. 164]. В свою очередь, представительства ОНО на местах применяли весьма своеобразные методы «ускорения» атеистического воспитания школьников, усложняя потенциальную возможность религиозной «пропаганды» со стороны педагогического персонала. Так, к примеру, в Сибири и Украине, наряду с исключением из школы учителей за отказ вести атеистическую пропаганду, широко применялась и так называемая «конфессиональная ротация» кадров. Так, меннонитские учителя, с целью их «отрыва от родных корней», переводились в католические и лютеранские села, а работавшие там преподаватели – направлялись в соответствующие меннонитские поселения [21, с. 159; 22, с. 338–340].

В Москве прекрасно сознавали, что «перетягивание» учителей в «лагерь» сторонников советской власти, несомненно, ускорило бы процесс общей советизации немецкого населения, и прежде всего его молодого поколения. «Необходимо правильным применением национальной политики внушить мелкому крестьянину то доверие к советской власти, – не раз подчеркивало руководство Немецдела Совнацмена, – которое до настоящего времени часто отсутствует ... Если только мы правильно поставим немецкие школы, немецкие учреждения профессионального образования и общественно-политические учреждения вообще в немецкой деревне, то немецкое юношество безусловно встанет на нашу сторону...» [4, л. 1 об.].

4. Лояльность педагогического персонала

Большим препятствием на пути к советизации молодежи являлась не только проблема общей нехватки педагогического персонала, но и его лояльность, готовность служить советскому режиму. Если часть немецких школ в 1920-е гг. не работала из-за их бойкота самим населением, то другая часть была закрыта по распоряжению ОНО, из-за недостатка «идеологически» подготовленных кадров [7, с. 410]. По данным руководителя немсекции при Сибирском ОНО Р. Кисилевского (1921 г.), необходимо было заменить около 60 % немецких учителей. Неудивительно, что только в Омской губернии в 1922/23 учебном году из-за нехватки лояльных режиму преподавателей было закрыто 25 школ [21, с. 150, 159, 164]. В Славгородском округе к началу 1924/25 учебного года из 19 чел., изъявивших желание работать в школе, только шестеро получили разрешение на работу. Остальные были исключены работниками немсекции «по причине религиозности и тотальной политической безграмотности». «Проверка [учителей – В.Д.] необходима, т.к. немецкая школа является рассадником не только религии, но и контрреволюции, – отмечало руководство немсекции при Омском губкоме РКП (б) в сентябре 1924 г. – Каждый учитель, без исключения, должен пройти политическую проверку в губернском или окружном комитете ВКП(б)» [21, с. 164]. Прошедшие подобную «экспертизу» учителя, как правило, не только не имели специального педагогического образования, но и вообще образования как такового, однако признавали «платформу» советской власти. Весьма показательную характеристику «избранным» учителям дал один из инспекторов ОНО Барнаульского округа (1926): «В прошлом – не учителя, и с педагогическими вопросами – незнакомы Основную разницу между коммунистической партией и партией социал-демократии усвоили и считают путь компартии верным и неизбежным. За недостатком педа-

гогических сил (из немцев) полагаем, что к работе учителями [в школе] первой ступени допустить всех товарищей возможно, при условии снабжения их учебниками» [23, с. 196].

Положение с немецкими педагогическими кадрами в соседних с РСФСР союзных и автономных республиках отличалось несущественно. Так, к примеру, в результате чистки учительского контингента немецких школ Житомирской губернии (УССР), проведенной работниками ОНО в 1922 г., из 91 педагога право работать в школе получили только восемь человек (8,8 %). В Волынской губернии Украины из 104 немецких учителей лишь восемь (7,7 %) соответствовали «критериям» советской трудовой школы [17, с. 648]. Пожалуй только в автономной области немцев Поволжья (АО НП), находящейся в эпицентре голода, основной задачей НКП явилось не столько выявление «лояльного» учительства, сколько закрепление на местах учительского персонала, пытавшегося любыми путями покинуть школы и заняться более доходной деятельностью, чтобы выжить и не умереть с голоду. Так, в сентябре 1923 г. во все канткомы АО НП поступил секретный циркуляр, подписанный заместителем секретаря обкома РКП(б) Ирмай Фукс, в котором предписывалось «с целью сохранения учителей на местах» не принимать на другую работу тех из них, кто бросил педагогическую деятельность, а при сокращении штатов различных учреждений в первую очередь увольнять именно бывших преподавателей школы [16, с. 166–167]. Однако, несмотря на эти «драконовские» меры, к середине 1920-х гг. в Немреспублике в общей сложности не хватало около 2 тыс. учителей [24, с. 74–75].

5. Подготовка новых учителей

Подготовка новых кадров немецких педагогов требовала не только больших финансовых затрат, но и времени – от 3 до 4 лет. Поэтому, наряду с организацией новых учебных заведений, руководство

Немотдела Совнацмена НКП РСФСР, при активной поддержке ЦБ немсекций, особое внимание уделяло переподготовке имевшихся в наличии «старых» кадров. Несмотря на то, что система переподготовки была достаточно разнообразной (педагогические конференции, месячные и годовые курсы, политучеба и т. д.), доля охваченных ею немецких учителей была невелика. Наряду с основными причинами – слабым финансированием подобных мероприятий (как на центральном, так и на местном уровне) и нерегулярностью их проведения – имела еще одна: сами учителя старались уклониться от такой «учебы» [25, с. 137; 4, л. 42]. Дело в том, что наряду с интенсивной «накачкой» слушателей подобных курсов коммунистической идеологией, они являлись и своеобразными «фильтрами» для проверки и отсева неLOYальных учителей [26, с. 264; 21, с. 159–160]. Особое место в этой иерархии занимали курсы переподготовки учителей немецких школ в Москве и Ленинграде, время от времени организуемые по инициативе Немотдела Совнацмена НКП РСФСР [27, с. 3; 28, с. 6]. Так, к примеру, в 1924 г. в Москве прошли 11-месячные курсы по переподготовке учителей немецких сельских школ, в которых приняли участие 25 чел. В 1926 г. на базе Центрального немецкого педтехникума (Ленинград) состоялись аналогичные двухмесячные курсы и т. д. [26, с. 264]. Вместе с тем, по данным Немотдела Совнацмена (1926), доля немецких учителей, побывавших на центральных курсах (Москва, Ленинград) не превышала 10 %, а местные курсы в лучшем случае охватывали лишь около 20 % имевшегося педагогического состава, в основном учителей начальной школы [4, л. 237]. Если учитывать, что только единицы из «LOYальных» учителей имели высшее и среднее педагогическое образование, а большинство – только низшее или вообще никакого [23, с. 185–186], то проблема их методологической «переподготовки» была весьма актуальной на протяжении всех 1920-х гг. «Большим» вопро-

сом оставалось для Центра и переобучение учителей – эмигрантов из Германии, активно преподававших в немецких школах вплоть до середины 1930-х гг. [29, с. 163].

Источники позволяют утверждать, что несмотря на все жесткие указания Центра о необходимости «отсева» нелояльных преподавателей и «идеологического» переобучения всего имевшегося в наличии ОНО педагогического персонала, дисперсное проживание немецкого населения и удаленность немецких селений от крупных промышленных центров и городов позволило большинству из учителей немецких школ (не только в РСФСР, но и в целом по СССР) вплоть до начала 1930-х гг. уклоняться от «филтрации» со стороны ОНО и немсекций ВКП(б), которые были просто не в состоянии охватить всех их своим «вниманием» и контролем [7, с. 411; 30, с. 120–124]. Так, к примеру, из 24 немецких учителей в Башкирии к 1929 г. всего лишь пять (или 21 %) прошли через подобные курсы переобучения [9, л. 59–60]. В результате проверки 33 немецких селений в Петропавловском округе Казахской АССР осенью 1929 г. секретарь бюро окружкома ВКП(б) Малеев открытым текстом заявил следующее: «В большинстве учителя старые, из бывших кюстеров (проповедников), или сельские писари, которые с советской методикой общего ничего не имеют» [31, с. 34]. Аналогично оценивали положение с немецкими учительскими кадрами и работники Кустанайского окружкома ВКП(б) в январе 1930 г.: «Состав учительских кадров по качеству очень низок. Большинство учителей без всякой переподготовки и даже без педагогического стажа. Эти приезжие с разных концов света (с немногим исключением) 'педагоги', ни в коем случае не могут удовлетворять требованиям советской школы» [31, с. 42]. В докладной записке секретаря Акмолинского окружкома ВКП(б) Сафарбекова (Казахская АССР), отосланной в марте 1930 г. в ЦК ВКП(б), подчеркивалось: «Очень плохо обстоит дело с педагогиче-

ским персоналом, который, по своей квалификации, в условиях советской школы на 80 % [ей] не соответствует» [31, с. 71].

Прекрасно понимая всю сложность переобучения «старого» персонала, руководство Немецдела Совнацмена НКП РСФСР попыталось создать «конвейер» подготовки новых учителей для немецкой школы. Как отмечал сам заведующий Немецдела Совнацмена Б. Бартельс (1924), для постепенной замены ок. 3000 учителей «старой» формации немецким школам ежегодно требовалось не менее 150–200 «новых», а все существующие педагогические заведения восполняли этот пробел не более, чем на 25 %. «Уже сейчас, при постепенном восстановлении прежней школьной сети, Центральное Бюро [Совнацмена НКП – В.Д.] не в состоянии удовлетворить запросы с мест, которые требуют учителей партиями в 15–20 человек (Кубань, Сибирь и т.д.)», – констатировал Бартельс, характеризуя плачевное состояние с подготовкой нового учительства [4, л. 174–175]. Необходимо учитывать, что будущие кадры «новых» учителей отбирались не по принципу профессиональной пригодности, а по их лояльности советскому режиму, что, соответственно, весьма усложняло процедуру их «вербовки» в консервативных немецких селениях [32, л. 69]. «То обстоятельство, что на 3 000 немецких крестьян приходится в деревне один коммунист-немец, – подчеркивалось в одном из отчетов Немецдела Совнацмена НКП РСФСР (1925), – в достаточной мере характеризует ничтожную степень коммунистического влияния в немецкой деревне» [4, л. 165]. Именно этим фактом можно объяснить и положение с подбором абитуриентов для обучения в педагогических учебных заведениях, весьма мало отвечавших идеалу «учителя-политработника».

Главной базой формирования новых кадров для немецких школ РСФСР (без АССР НП) выступил Немецкий практический *институт народного образования* (ПИНО), образованный в Москве в 1922 г. и

преобразованный через год в Немецкий центральный педтехникум повышенного типа [33, л. 85]. Однако «конвейер» по выпуску кадров «марксистско подготовленных школьных работников» для немецких школ работал очень медленно: первый выпуск ПИНО осуществился только весной 1926 г. [4, л. 176; 34, с. 457]. Причем, несмотря на поступательный рост числа студентов (в 1924/25 учебном году здесь обучалось 125 чел., в 1925/26 учебном году – 180 чел.), число его выпускников было мизерным [4, л. 7; 34, с. 452]. Если учитывать, что в первой половине 1920-х гг. довольно весомая часть студентов Центрального немецкого педтехникума обучалась по направлениям Наркомпросов АССР НП¹ и УССР, то и распределялись выпускники соответственно в эти же республики, а не в районы компактного проживания немцев в РСФСР [4, л. 167–168; 34, с. 468; 35, с. 5–8]. Например, в 1926 г. в немецкие школы РСФСР (без АССР НП) было отправлено всего шесть выпускников Центрального немецкого педтехникума² [4, л. 237; 26, с. 267]. Как отмечалось в одном из отчетов Немецкой Совнацмена за 1927 г., Центральный немецкий педтехникум «до сих пор выпустил совершенно ничтожное количество студентов...» [36, л. 42]. Ведь в 1925/26 учебном году техникум закончили всего 18 чел., в 1926/27 учебном году – 17 чел. и т. д. [34, с. 457–458]. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что далеко не все из выпускников отправлялись в качестве учителей в немецкую деревню, часть из них оставалась в Ленинграде, продолжая учиться в высших учебных заведениях. Например, из 32 студентов третьего курса (1925) только 19 чел. (60 %) продолжили обучение на четвертом курсе, а 13 чел.

¹ В 1925/26 учебном году в Ленинградском техникуме обучалось 39 студентов из Поволжья (или 38,2 %), в 1927/28 учебном году – 28 (или 32,5 %) и т. д.

² В 1926 г. Центральный немецкий педтехникум окончили только 8 чел., двое из которых продолжили обучение в других учебных заведениях и только шестеро учителей были направлены в немецкие школы.

(или 40 %) потенциальных «учителей» перешли в вузы либо вообще расстались с профессией педагога [34, с. 470].

Не особенно радовал Немотдел Совнацмена и социальный состав учащихся Центрального педтехникума, где практически отсутствовали выходцы из пролетарской среды [4, л. 42]. Так, к примеру, из 86 студентов, обучавшихся в 1927/28 учебном году, рабочие составили только 5,8 %, крестьяне – 65,2 % и служащие – 29 %. В 1928/29 учебном году доля социальной группы служащих выросла еще больше, достигнув 33,6 % [34, с. 465]. Вопрос социального происхождения подготавливаемых педагогических кадров был очень важен для Центра прежде всего потому, что так называемые «чуждые элементы», имея иной социальный опыт, могли подвергать сомнению постулаты новой идеологии, а именно школьное образование, не считая института семьи, несло в себе главную функцию передачи культурной информации новым поколениям. Остается добавить, что регулярные чистки учебных заведений постоянно выявляли «неблагонадежных» как среди студентов, так и среди преподавателей¹, несмотря на то что их классовая «чистота» тщательно проверялась партийными и комсомольскими органами [37, с. 3]. Причем если социальное происхождение студента вызывало какое-либо сомнение, то в организацию, откуда он был откомандирован на учебу, посылались запросы с просьбой подтвердить правильность данных им сведений. Если социальный статус или «благонадежность» не подтверждались, то студент, независимо от его способностей, исключался из учебного заведения, а преподавателя снимали с работы [38, с. 329–337]. Как отмечалось в одном из отчетов о деятельности Центрального немецкого педтехникума (1923), опытные коммунисты-преподаватели «своими докладами

¹ Для привлечения в вузы и техникумы «классово-ценной» молодежи при партийных органах создавались так называемые вербовочные комиссии. Причем при поступлении в анкете обязательно указывалось социальное происхождение и предоставлялись документы, его удостоверяющие.

буквально вбивали культуру и политику в головы студентов ПИНО, чем вызывали сравнительно высокий процент заинтересованности в деятельности РКСМ и РКП(б)» [17, с. 698].

Однако желаемое нередко выдавалось за действительность. По заключению работников Ленинградского обкома ВКП(б) часть преподавателей Центрального немецкого педтехникума сама являлась «в политическом отношении крайне реакционной» [34, с. 465; 39, л. 59]. Более того, из 40 педагогов и сотрудников (1927) только двое – заведующий и преподаватель обществоведения – состояли в компартии. Аналогичное положение наблюдалось и среди обучаемого ими контингента. Например, из 86 студентов (1927/28 учебный год) ни один вообще не являлся членом или кандидатом в члены ВКП(б), а из 140 студентов набора 1928/29 учебного года – только один единственный [36, л. 42]. Оставляла желать лучшего и численность студентов – членов ВЛКСМ. Их доля даже к концу 1920-х гг. составляла лишь четверть от всех обучаемых в педтехникуме студентов, колеблясь между 19,7 % (1927/28 учебный год) и 26,4 % (1928/29 учебный год) [34, с. 465; 39, л. 59].

Уже к середине 1920-х гг. в Центральном немецком педтехникуме четко проявилась еще одна проблема – постоянное неукомплектование его учащимися [40, л. 36; 23, с. 200]. Например, в 1926 г. из 40 вакантных мест было занято всего лишь 28 (70 %). Дело было не только в сложности подбора абитуриентов и нежелании колонистов работать в школе, но и в том, что в АССР НП и УССР был налажен уже свой, собственный «конвейер» подготовки немецких учителей (Марксштадт, Хортица, Пришиб) [34, с. 468]. Учеба «на месте» была несомненно удобнее и дешевле для колонистов, чем аналогичная, но в весьма отдаленном от их селений «столичном» учебном заведении. В любом случае попытка увеличить численность студентов Центрального немецкого педтехникума в Ленинграде до 500 чел., а также число его

потенциальных выпускников (до 60 чел. в год), как и желание преобразовать педтехникум в высшее учебное заведение, так и остались лишь в планах его руководства и Немецдела Совнацмена НКП РСФСР [33, л. 84; 4, л. 46]. Снижение роли Совнацмена к началу 1930-х гг. бесспорно повлияло и на дальнейшее развитие этого учебного заведения, одно лишь название которого – «Центральный» – продолжало указывать на амбиции и замыслы его организаторов начала 1920-х гг.

Если среднее педагогическое образование немцы могли получить наряду с Центральным педтехникумом также в аналогичных учебных заведениях АССР НП¹ [41, с. 76–78], Сибири и Украины² [42, с. 120; 23, с. 201], то подготовка немецких учителей с высшим образованием долгое время оставалась в СССР нерешенной проблемой. Вплоть до конца 1920-х гг.³ педагоги для немецких школ повышенного типа готовились главным образом только общей сетью педвузов – в порядке специального командирования в них колонистов («по броне»)⁴ [43, с. 290–291; 44, с. 129]. Катастрофическое положение с преподавателями для немецких школ повышенного типа привело к тому, что в местах компактного проживания немцев в СССР (1928) на родном языке обучалось всего 54 % учащихся семилетних школ, а в школах II ступени – только 31,2 %. Не лучше обстояло дело и с представительством

¹ Начало формирования системы подготовки национальных педагогических кадров в АО НП положило открытие в селении Зельман (Ровном) в 1922 г. первого национального педагогического техникума на базе школы 2-й ступени. В августе 1923 г. этот техникум был переведен в Марксштадт. В 1924/25 учебном году педтехникум имел подготовительное отделение и три основных курса с 96 учащимися. Второй немецкий педтехникум был также открыт в Зельмане (Ровном) и начал свою работу в начале 1927/28 учебного года на базе семилетней школы.

² В 1930 г. при Славгородском педтехникуме (Сибирь) было открыто немецкое отделение учителей на 80 чел, а также годовые курсы учителей на 40 чел. На Украине, в свою очередь, к концу 1920-х гг. учителя для немецких школ готовились в трех учебных заведениях (немсектор Одесского института народного образования (ИНО), Хортицкий и Пришибский педтехникумы).

³ Немецкий пединститут в Энгельсе открылся в 1929 г. По состоянию на 1.07.1929 г. в нем обучалось – 139 чел., на 1.11.1931 г. – 227 чел.

⁴ В 1927/28 учебном году в русскоязычных педагогических институтах РСФСР обучался всего 51 студент немецкой национальности. Число выпускников (1931/32 учебный год) составило всего 11 чел.

учителей с высшим образованием в целом по стране. Так, к примеру, даже в «привилегированной» АССР НП в 1924/25 учебном году из 725 учителей начальной школы высшее образование имели только пятеро, а из 95 учителей школ повышенного типа (1927/28 учебный год) – трое (3,1 %)¹ [45, с. 332; 46, с. 337–338]. Неудивительно, что сеть немецких школ повышенного типа как в АССР НП, так и за ее пределами, ввиду огромного дефицита педагогических кадров немецкой национальности, была далека от нормы, установленной декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. [46, с. 337–338].

Постоянное недокомплектование мест в Центральном педтехникуме, а также необходимость поддержания имиджа Немреспублики оказали решающее влияние для организации педагогического вуза для немцев на территории АССР НП². Открывшись в Энгельсе в сентябре 1929 г., Немецкий государственный пединститут должен был по замыслам его организаторов готовить кадры учителей не только для Немреспублики, но и для всей страны [24, с. 198–199]. Однако, несмотря на централизованный подбор абитуриентов как в самой АССР НП, так и в районах компактного проживания немцев в СССР, проводимого специальными уполномоченными, в пединституте наблюдался хронический недобор студентов. Проблему с его укомплектованием не смогли решить даже методом мобилизации партийного и комсомольского молодежного актива³ [24, с. 199–201; 46, с. 343]. Невозможность ликвидировать дефицит учителей путём их четырёхлетней подготовки

¹ В соответствии с планами НКП АССР НП для школ повышенного типа предполагалось подготовить к 1934 г. около 500 учителей.

² Численность немецкого меньшинства на территории РСФСР более чем в два раза превышала число немцев – «титულიной нации» в Немреспублике.

³ Первый выпуск учителей (ок. 40 чел.) состоялся в 1934 г. Учитывая потребности АССР НП, это была «капля в море», не говоря уже о потребностях немецких учителей для повышенных школ в рамках всего СССР. Остается добавить, что и в последующие годы количество выходящих из стен пединститута учителей не могло полностью удовлетворить запросы Немреспублики, так как набор студентов в этот вуз радикально не увеличивался (в 1933 г. – 106 чел., 1935 – 90 чел., в 1936 – 101 чел.).

привела к созданию при Немецком пединституте отдельного двухгодичного учительского института, где будущие педагоги немецких школ-семилеток готовились по «урезанной» программе¹ [24, с. 204].

В целом к началу 1930-х гг. положение с кадрами учителей для немецких школ по всей стране оставляло желать лучшего² [23, с. 203]. Новые кадры, как уже указывалось, можно было пересчитать по пальцам, а переподготовка «старых» осуществлялась очень медленно [36. Л. 41; 47. Л. 1–1 об.]. Отсутствие единого координационного центра по осуществлению руководства немецким просвещением в СССР отражалось не только на программах преподавания, распределении новых кадров, но и подготовке/переподготовке немецкого учительства в рамках всей страны³. Фактически, только Первый съезд немецких работников просвещения, состоявшийся в Москве в июле 1927 г., впервые заявил о необходимости объединения усилий республиканских наркомпросов, включая вопрос подготовки и переподготовки педкадров [36, л. 44]. В качестве примера одной из таких совместных акций можно назвать организацию центральных курсов для немецких учителей-обществоведов в Таганроге летом 1928 г. под эгидой Немецкой Центрсовнацмена НКП РСФСР. Эти курсы охватили 40 чел. и комплектовались по принципу «добровольности» из учителей немецких школ РСФСР, Азербайджана, Казахстана и Киргизии⁴ [4, л. 86–87 об.]. Причем, несмотря на то, что большинство из курсантов (ок. 90 %)

¹ Первый набор в учительский институт произошел в 1935 г. – 30 студентов, а в 1937 г. число его абитуриентов достигло уже 189 чел.

² Так, к примеру, если в Сибири в 1926 г. не хватало около 30 учителей для немецких школ, то в 1927/28 учебном году – уже более 60.

³ В числе совместных акций наркомпросов (НКП РСФСР и НКП АССР НП) можно назвать также издание совместного педагогического журнала «Zur neuen Schule» (основного методического органа для учителей), а также выработку совместных издательских планов учебной литературы.

⁴ Что касается социального состава прибывших на учебу учителей, то основную их часть составили крестьяне – 75,5 % и служащие – 15 %. Шестеро из них являлись членами ВКП(б) и ВЛКСМ, а основная масса была беспартийной – 85,0 %.

имели среднее образование, в целом их образовательный и политический уровень был весьма низок [4, л. 88 об.].

Подобная ситуация – низкий образовательный уровень «новых» педагогических кадров, постепенно вытеснявших «старые», – наблюдалась по всей стране. Так, к примеру, в результате проверки учительского состава в Сибири (1926/27 учебный год) было установлено, что некоторые из «новых» учителей были даже не в состоянии написать обычный текст без грамматических ошибок [21, с. 174; 23, с. 209]. Если предположить, что прибывшие на центральные курсы в Таганрог учителя были далеко не самыми худшими из имевшихся в наличии ОНО педкадров, то на практике ситуация с подбором преподавательского персонала для немецких школ была весьма далека от идеала. Ни бронирование мест для немецких студентов в русскоязычных педвузах, ни организация многомесячных курсов повышения квалификации учителей, ни увеличение числа повышенных школ с педагогическим уклоном не могли кардинальным образом изменить ситуацию с «обновлением» персонала в немецких школах на протяжении всех 1920-х гг. Руководство Ленинградского обкома ВКП(б), например, констатировало в 1928 г. полное отсутствие «общественной жизни» в немецких школах, так как «большинство учителей вышло из среды старой петербургской интеллигенции». Башкирский обком ВКП(б), в свою очередь, считал большим достижением, что благодаря «нажиму» на учителей дети колонистов после десятилетия советской власти (1928) уже научились «петь Интернационал!». Крымский обком ВКП(б) сообщал в ЦК ВКП(б) в 1928 г. о том, что в основной своей массе имевшиеся в наличии ОНО немецкие учителя «религиозны [и] сознательно поддерживают антисоветские элементы». Омский окружком ВКП(б) отмечал полное засилье в немецких школах (1928) «кулацкого и религиозного влияния» [9, л. 59–60]. Заведующий подотдела нацмен

Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Гофферт, характеризуя развитие национального просвещения в крае (1930), был вынужден заметить, что «особо плохо обстоит вопрос с учительскими кадрами. Большинство немецких [учителей – В.Д.] не квалифицировано [sic] и не отвечает запросам советской трудовой школы» [48, л. 8]. Не радовало центр и состояние развития интернационального воспитания учеников в немецких школах, а также рост в них антисемитизма, напрямую отражавших позиции самих учителей. «Немецкого учителя прежде всего надо переподготовить, убеждать, советизировать, – констатировало руководство ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) (1928), объясняя свои упущения в процессе руководства немецким образованием, – [и только] потом можно говорить [и] об интернациональном воспитании [в школе – В.Д.]» [9, л. 60].

К концу 1920-х гг., по данным АПО ЦК ВКП(б), немецким школам дополнительно требовалось около 680 новых учителей, а их ежегодный выпуск всеми учебными заведениями страны едва превышал 60 чел. [9, л. 50; 42, с. 120]. В целом, несмотря на все усилия центра, к ноябрю 1929 г. среди учителей немецких школ в СССР только 3 % являлись членами ВКП(б) и ВЛКСМ и лишь менее 1/5 (или 18 %) представляли поколение учителей «советской» формации¹ [49, л. 55–56]. Основной костяк немецкого учительства (82 %) продолжали составлять выходцы из «старой» школы, нередко до октября 1917 г. совмещавшие учительскую деятельность с должностями священнослужителей или их помощников² [49, л. 55–56; 50, л. 130 об.]. Несмотря на все проводимые «чистки», далека от идеальной к концу 1920-х гг. была и социальная структура немецкого учительства. Например, в Омском

¹ Причем в АССР НП доля учителей-коммунистов была в два раза выше, чем в целом по СССР и достигала 6 %.

² По другим данным, доля «новых» учителей в целом по Союзу составляла не более 12–15 %.

округе (1929/30 учебный год) почти 20 % всех немецких учителей являлись выходцами из зажиточных семей и только 3 % – из рабочих [42, с. 120]. Не лучше была ситуация и в «образцовой» АССР НП [51, л. 8]. Ожидать от таких кадров полной лояльности советскому режиму, а также особого рвения в области проведения общественно-воспитательной работы в немецких школах не приходилось, особенно учитывая острый недостаток на местах немецких инспекторов ОНО, партийного и комсомольского актива.

6. Заключение

Несмотря на все трудности проведения советизации системы немецкого образования в РСФСР, партийные и советские органы все же добились определенного успеха в осуществлении своих целей. Был установлен контроль за школьным и внешкольным образованием детей и молодежи, проведен ряд мероприятий, подрывавших «автономность» немецкой школы и учителя, а из числа «колонистов» была создана немногочисленная прослойка «новых» – просоветски настроенных учителей. Вместе с тем вплоть до конца 1920-х гг. немцам удавалось в результате активного и упорного противодействия властям сохранять свою самобытную систему образования. Лишь в 1930-е гг., в результате коллективизации и массовых репрессий, коренным образом изменивших всю социально-экономическую структуру немецких селений, московскому руководству удалось в целом провести советизацию немецких школ. Единственным и важнейшим признаком национальной немецкой школы оставался язык преподавания – немецкий, все остальные самобытные черты растворились в процессе советизации. В 1938 г. был осуществлен последний акт ее унификации: все немецкие школы страны (за исключением АССР НП) были переведены на русский язык преподавания [52, с. 212–213].

Список литературы

1. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, 5.06.1918 // Полн. собр. соч. – М.: Госполитиздат, 1963–1965. – Т. 36. – С. 420–421.
2. Письмо ЦК РКП(б) всем комитетам партии о работе среди работников просвещения, 18.09.1921 // КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2. – С. 448–451.
3. Stricker Gerd: Rußlanddeutsches Bildungswesen. Von den Anfängen bis 1941 // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland. Hg. v. Gerd Stricker. – Berlin: Siedler Verlag, 1997. – S. 420–481.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – везде ГАРФ). Ф. А–296. Оп. 1. Д. 111.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – везде РГАСПИ). Ф. 549. Оп. 4. Д. 40.
6. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 504.
7. Савин А. Борьба за будущее. Немецкие школы Сибири и политика советизации колоний в 1920-е гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М.: Готика, 1996. – С. 406–421.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 719.
9. ГАРФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 293.
10. Кронгардт Г.К. Немцы в Кыргызстане. 1880–1990 гг. – Бишкек: Илим, 1997.
11. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 145.
12. ГАРФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 111.
13. Красовицкая Т.Ю. Модернизация России. Национально-культурная политика 20-х гг. – М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1998.
14. Long James W. From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917. – Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1988.
15. РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 4. Д. 257.
16. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 1. – Саратов: Саратов. ун-т, 1992.
17. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003.
18. РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 4. Д. 243.
19. Schleicher J. Die deutschen Schulen im multinationalen Kreis Slavgorod (1919–1924). // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. – 2000. – № 10. – S. 133–146.
20. Hedeler Wladislaw – Andrej Savin: Die Deutschen in der UdSSR – eine «fünfte Kolonne»? Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. – Bd. 42. 2006. – Heft 2–3. – S. 315–324.
21. Brandes Detlef – Andrej Savin: Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. – Essen: Klartext Verlag, 2001.
22. Безносков А.И. Религиозная жизнь немецкого населения юга Украины и политика советской власти (1920–1928) // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. – М.: Готика, 2000. – С. 329–342.
23. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2000.
24. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Саратов: Саратов. ун-т, 1994.

25. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): сб. док. / сост. Т.Н. Плохотнюк. – Ставрополь: СГУ, 2002.

26. Шрадер Т.А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг. // Немцы и развитие образования в России. – СПб., 1998. – С. 260–268.

27. Die Lehrerkurse in Moskau // Hammer und Pflug (Odessa). – № 16 v. 26.7.1924. – S. 3.

28. Zentrale Lehrerkurse // Der Landmann. – № 20 (153) v. 25.7.1926. – S. 6.

29. Зейналова С. Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941). – Баку: Араз, 2002.

30. Євтух В.Б. – Б.В. Чирко: Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). – Київ: Інтел, 1994.

31. Из истории немцев Казахстана (1921–1975): сб. док. (архив президента Республики Казахстан) / сост. И.Н. Бухонова. – Алматы, М.: Готика, 1997.

32. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 772.

33. ГАРФ. Ф. Р–1235. Оп. 119. Д. 39.

34. Зюсс В. Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде // Немцы в России. Петербургские немцы. – СПб., 1999. – С. 452–474.

35. Das Deutsche Zentraltechnikum in Leningrad // Zur Neuen Schule. 1926. H. 5/6. S. 5–8.

36. ГАРФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 273.

37. Aufnahmebedingungen für das höhere deutsche Pädagogische Zentraltechnikum in Moskau 1925 // Hammer und Pflug (Odessa). – № 67 v. 25.7.1925. – S. 3.

38. Гартвиг Б. Классовая дискриминация в системе образования АССР НП и ее последствия // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941). – М.: Готика 2002. – С. 329–338.

39. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 569.

40. РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 23. Д. 720.

41. Ерина Е.М. – А.Н. Штукерт: Средние специальные педагогические учебные заведения Немецкой автономии на Волге // Сообщ. Энгел. краевед. музея. Вып. 5. – Саратов: ЭКМ, 1997. – С. 74–85.

42. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. – Топчиха, 1995.

43. Национальная политика ВКП(б) в цифрах. – М.: Изд-во Коммунист. акад., 1930.

44. Карнеев И. О национальных кадрах культурного строительства // Национально-культурное строительство за 15 лет. – М.; Л., 1933. – С. 115–152.

45. Вашкау Н. Немецкая национальная школа в Поволжье в 20–30-е гг. XX в. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. – М.: Междунар. союз немец. культуры, 1995. – С. 329–335.

46. Ерина Е.М. К истории Немецкого государственного педагогического института // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. – М.: Междунар. союз немец. культуры, 1995. – С. 336–345.

47. ГАРФ. Ф. А–296. Оп. 1. Д. 217.

48. ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 23. Д. 1324.

49. ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 3996.

50. ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 42. Д. 95.

51. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 841.

52. Из истории оренбургских немцев: сб. док. (1817–1974) / отв. ред. В.В. Амелин. – Оренбург; М.: Готика, 2000.

References

1. Lenin V.I. *Rech' na 1-om Vserossijskom s'ezde uchitelej-internacionalistov, 5.06.1918* [Speech at the 1st All-Russian Congress of Internationalist Teachers, 5.06.1918] // *Poln. sobr. soch.* [Complete collected works]. – Moscow: Gospolitizdat, 1963–1965. – Vol. 36. – P. 420–421.
2. *Pis'mo CK RKP(b) vsem komitetam partii o rabote sredi rabotnikov prosveshhenija, 18.09.1921.* [Letter of the Central Committee of the RCP (b) to all party committees on the work among educators, 18.09.1921] // *KPSS v rezoljucijah s'ezdov, konferencij i plenumov CK* [CPSU in resolutions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. – Moscow: Politizdat, 1983. – Vol. 2. – P. 448–451.
3. Stricker Gerd: *Rußlanddeutsches Bildungswesen. Von den Anfängen bis 1941 // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Rußland.* Hg. v. Gerd Stricker. – Berlin: Siedler Verlag, 1997. – P. 420–481.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (dalee vezde GARF)* [State Archives of the Russian Federation (hereinafter – GARF)]. F. A–296. Op. 1. D. 111.
5. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (dalee vezde RGASPI)* [Russian state archive of social and political history (hereinafter – RGASPI)]. F. 549. Op. 4. D. 40.
6. RGASPI. F. 529. Op. 1. D. 504.
7. Savin A. *Bor'ba za budushhee. Nemeckie shkoly Sibiri i politika sovetizacii kolonij v 1920-e gody* [Struggle for the future. German schools of Siberia and the policy of the colonies Sovietization in the 1920s] // *Rossijskie nemcy. Problemy istorii, jazyka i sovremennogo polozhenija* [Russian Germans. Problems of history, language and modern situation]. – Moscow: Gotika, 1996. P. 406–421.
8. RGASPI. F. 17. Op. 113. D. 719.
9. GARF. F. A–296. Op. 1. D. 293.
10. *Krongardt G.K. Nemcy v Kyrgyzstane 1880–1990 gg.* [Germans in Kyrgyzstan 1880–1990]. – Bishkek: Ilim, 1997.
11. RGASPI. F. 1–MO. Op. 23. D. 145.
12. GARF. F. A–296. Op. 1. D. 111.
13. *Krasovickaja T.Ju. Modernizacija Rossii. Nacional'no-kul'turnaja politika 20-h godov* [Modernization of Russia. National and cultural policy of the 20s]. – Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN, 1998.
14. Long James W. *From Privileged to Dispossessed. The Volga Germans, 1860–1917.* – Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1988.
15. RGASPI. F. 549. Op. 4. D. 257.
16. *German A.A. Nemeckaja avtonomija na Volge 1918–1941* [German autonomy on the Volga 1918–1941]. Part 1. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1992.
17. *Chebotareva V.G. Narkomnac RSFSR: svet i teni nacional'noj politiki 1917–1924 gg.* [People's Commissariat of the RSFSR: light and shadows of the national policy of 1917–1924]. – Moscow: Obshhestvennaja akademija nauk rossijskih nemcev, 2003.
18. RGASPI. F. 549. Op. 4. D. 243.
19. Schleicher J. *Die deutschen Schulen im multinationalen Kreis Slavgorod (1919–1924) // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen.* – 2000. – № 10. – P. 133–146.

20. Hedeler Wladislaw – Andrej Savin: Die Deutschen in der UdSSR – eine „fünfte Kolonne“? Die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der 1920er Jahre aus der Sicht der OGPU. // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 42. – 2006. – Heft 2–3. – P. 315–324.

21. Brandes Detlef – Andrej Savin: Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. – Essen: Klartext Verlag, 2001.

22. *Beznosov A.I. Religioznaja zhizn' nemeckogo naselenija Juga Ukrainy i politika sovetskoj vlasti (1920–1928 gg.)* [Religious life of the German population of the South of Ukraine and the policy of the Soviet Power (1920–1928)] // *Nemcy Rossii i SSSR: 1901–1941 gg.* [Germans of Russia and the USSR: 1901–1941]. – Moscow: Gotika, 2000. – P. 329–342.

23. *Cherkaz'janova I.V. Nemeckaja nacional'naja shkola v Sibiri (XVIII v. – 1938 g.)* [German National School in Siberia (XVIII century – 1938)]. – Moscow: Obshhestvennaja akademija nauk rossijskich nemcev, 2000.

24. *German A.A. Nemeckaja avtonomija na Volge 1918–1941* [German autonomy on the Volga 1918–1941]. – Part 2. – Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1994.

25. *Nemeckoe naselenie Severnogo Kavkaza: social'no-jekonomicheskaja, politicheskaja i religioznaja zhizn' (poslednjaja chetvert' XVIII – seredina XX v.). Sbornik dokumentov* [German population of the North Caucasus: socio-economic, political and religious life (last quarter of the XVIII – mid-XX century). Collection of documents]. S–tavropol': SGU, 2002.

26. *Shrader T.A. Shkol'noe obrazovanie v nemeckih kolonijah Leningradskoj gubernii v 20-h gg.* [School education in the German colonies of the Leningrad province in the 20s] // *Nemcy i razvitie obrazovanija v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. – SPb., 1998. – P. 260–268.

27. Die Lehrerkurse in Moskau // Hammer und Pflug (Odessa). – № 16 v. 26.7.1924. – P. 3.

28. Zentrale Lehrerkurse // Der Landmann. – № 20 (153) v. 25.7.1926. – P. 6.

29. *Zejnaloza S. Nemeckie kolonii v Azerbajdzhane (1819–1941 gg.)* [German colonies in Azerbaijan (1819–1941)]. – Baku: Araz, 2002.

30. *Єvtuh V.B. – B.V. Chirko: Nimci v Ukraїni (1920-i – 1990-i roki).* Kїiv: Intel, 1994.

31. *Iz istorii nemcev Kazahstana (1921–1975 gg.). Sbornik dokumentov (Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan)* [From the history of the Germans in Kazakhstan (1921–1975). Collection of documents (Archive of the President of the Republic of Kazakhstan)]. Sost. I.N. Buhonova. – Almaty, Moscow: Gotika, 1997.

32. RGASPI. F. 1–MO. Op. 23. D. 772.

33. GARF. F. R–1235. Op. 119. D. 39.

34. *Zjuss V. Central'nyj nemeckij pedagogicheskij tehnikum v Leningrade* [Central German Pedagogical College in Leningrad] // *Nemcy v Rossii. Peterburgskie nemcy* [Germans in Russia. Petersburg Germans]. – St.Petersburg, 1999. – P. 452–474.

35. Das Deutsche Zentraltechnikum in Leningrad // Zur Neuen Schule. – 1926. H. 5/6. – P. 5–8.

36. GARF. F. A–296. Op. 1. D. 273.

37. Aufnahmebedingungen für das höhere deutsche Pädagogische Zentraltechnikum in Moskau 1925. // Hammer und Pflug (Odessa). – № 67 v. 25.7.1925. – P. 3.

38. *Gartvig B. Klassovaja diskriminacija v sisteme obrazovanija ASSR NP i ee posledstvija* [Class discrimination in the ASSR NP education system and its consequences] // *Nemcy Rossii: social'no-jekonomicheskoe i duhovnoe razvitie (1871–1941)* [Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871–1941)]. – Moscow: Gotika 2002. P. 329–338.

39. *RGASPI*. F. 1–MO. Op. 23. D. 569.

40. *RGASPI*. F. M–1. Op. 23. D. 720.

41. *Erina E.M. – A.N. Shtukert: Srednie special'nye pedagogicheskie uchebnye zavedenija Nemeckoj avtonomii na Volge* [Secondary specialized pedagogical educational institutions of the German autonomy on the Volga] // *Soobshhenija Jengel'sskogo kraevedcheskogo muzeja* [Messages from the Engels Museum of Local Lore]. Iss. 5. – Saratov: JeKM, 1997. P. 74–85.

42. *Brul' V.I. Nemcy v Zapadnoj Sibiri* [Germans in Western Siberia]. – Part 1. Topchiha, 1995.

43. *Nacional'naja politika VKP(b) v cifrah* [National policy of the CPSU (b) in figures]. – Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy Akademii, 1930.

44. *Karneev I. O nacional'nyh kadrah kul'turnogo stroitel'stva* [About national personnel of cultural construction] // *Nacional'no-kul'turnoe stroitel'stvo za 15 let* [National-cultural construction for 15 years]. – Moscow, Leningrad, 1933. – P. 115–152.

45. *Vashkau N. Nemeckaja nacional'naja shkola v Povolzh'e v 20–30-e gg. XX v.* [German national school in the Volga region in the 20-30s of the XX century] // *Rossijskie nemcy na Donu, Kavkaze i Volge* [Russian Germans on the Don, Caucasus and Volga]. – Moscow: Mezhdunarodnyj sojuz nemeckoj kul'tury, 1995. – P. 329–335.

46. *Erina E.M. K istorii Nemeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [On the history of the German State Pedagogical Institute] // *Rossijskie nemcy na Donu, Kavkaze i Volge* [Russian Germans on the Don, Caucasus and Volga]. – Moscow: Mezhdunarodnyj sojuz nemeckoj kul'tury, 1995. – P. 336–345.

47. *GARF*. F. A–296. Op. 1. D. 217.

48. *GARF*. F. R–3316. Op. 23. D. 1324.

49. *GANO*. F. P–2. Op. 1. D. 3996.

50. *GARF*. F. R–3316. Op. 42. D. 95.

51. *RGASPI*. F. 1–MO. Op. 23. D. 841.

52. *Iz istorii orenburgskih nemcev. Sbornik dokumentov (1817–1974 gg.)* [From the history of the Orenburg Germans. Collection of documents (1817–1974)]. Ed. V.V. Amelin. – Orenburg, Moscow: Gotika, 2000.